

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-2.28>

Лукина Маргарита Петровна

ОСОБЕННОСТИ MORFOЛОГИЧЕСКОГО СПОСОБА ОБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ КОСВЕННОЙ ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАННОСТИ В ЮКАГИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья раскрывает особенности морфологического способа образования глаголов косвенной засвидетельствованности в диалектах юкагирского языка. Категория засвидетельствованности представлена как ключевое понятие в грамматике юкагирского языка. Уточнены форманты косвенной засвидетельствованности у непереходных и переходных глаголов в диалектах юкагирского языка. Сделан вывод о том, что в колымском диалекте у непереходных и переходных глаголов формантом косвенной засвидетельствованности во всех лицах является один и тот же формант =льэл=; в тундренном диалекте: у переходных глаголов во всех лицах - =льэл=, у непереходных в 3 л. ед. ч. - =льээ=, а во всех остальных лицах - =льэл=. Уточнены значения глаголов косвенной засвидетельствованности в диалектах юкагирского языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/7-2/28.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(85). Ч. 2. С. 352-357. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Брейтер М. А. Англицизмы в русском языке. М.: АО «Диалог-МГУ», 1997. 156 с.
2. Горбов А. А. О некоторых проблемах интерпретации иноязычного материала при описании новых заимствований в русском языке // Вопросы языкознания. 2011. № 6. С. 29-40.
3. Казменова А. К., Арзиев Р. У. К вопросу о грамматическом освоении глаголов с заимствованной основой в разноструктурных языках (на материале русского и уйгурского языков) // Вопросы языкознания. 2012. № 2. С. 109-118.
4. Костомаров В. Г. Русский язык в иноязычном потоке // Русский язык за рубежом. 1993. № 2. С. 58-64.
5. Крысин Л. П. Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX-XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с.
6. Степихов А. А. О грамматическом освоении иноязычной лексики в русском языке в аспекте категории рода // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований Российской академии наук / ред. М. Д. Войскова, Е. Г. Сосновцева. СПб.: Наука, 2015. Т. 11. Ч. 1. С. 297-317.
7. Феоклистова В. М. Иноязычные заимствования в русском литературном языке 70-90-х гг. XX века: автореф. дисс. ... к. филол. н. Тверь, 1999. 19 с.
8. Adler M. Form und Häufigkeit der Verwendung von Anglizismen in deutschen und schwedischen Massenmedien [Электронный ресурс]. URL: <https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de/binary/DJS6ZBK2FGWWQPSSZDZGL7QKV3LZPSG3/full/1.pdf> (дата обращения: 06.02.2018).
9. Burmasova S. Empirische Untersuchung der Anglizismen im Deutschen am Material der Zeitung Die Welt (Jahrgänge 1994 und 2004) [Электронный ресурс]. URL: <https://opus4.kobv.de/opus4-bamberg/frontdoor/index/index/docId/224> (дата обращения: 03.02.2018).
10. <http://slovari.ru/start.aspx?s=0&p=3050> (дата обращения: 12.01.2018).
11. <https://www.duden.de/> (дата обращения: 12.01.2018).

**DISTINCTIVE FEATURES AND WAYS OF ANGLICISMS BORROWING
IN THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES**

Lomova Oksana Evgen'evna, Ph. D. in Philology
Southern Federal University, Rostov-on-Don
oksana_lomova@rambler.ru

The objective of the article is to examine the characteristics and methods of Anglicisms borrowing discovered during the analysis of the Russian and German press, to investigate general patterns, as well as similarities and differences in the process of their assimilation in both languages. The author touches upon three aspects: the features of word formation at the assimilation of loan words in both languages; the ways of their borrowing – the examples of lexical, semantic and phraseological calques are given. The paper describes the features of the assimilation of borrowed words to original words in the recipient language, characteristic for different parts of speech. The issue of the degree of rootedness of the found loan words in the recipient language is also touched upon.

Key words and phrases: English-language loan words; methods of word formation; ways of borrowing; temporary/rooted layers of loan words; morphology; affixation; suffix.

УДК 811.554

Дата поступления рукописи: 28.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-2.28>

Статья раскрывает особенности морфологического способа образования глаголов косвенной засвидетельствованности в диалектах юкагирского языка. Категория засвидетельствованности представлена как ключевое понятие в грамматике юкагирского языка. Уточнены форманты косвенной засвидетельствованности у непереходных и переходных глаголов в диалектах юкагирского языка. Сделан вывод о том, что в колымском диалекте у непереходных и переходных глаголов формантом косвенной засвидетельствованности во всех лицах является один и тот же формант =льэл=; в тундренном диалекте: у переходных глаголов во всех лицах – =льэл=, у непереходных в 3 л. ед. ч. – =льэ=, а во всех остальных лицах – =льэл=. Уточнены значения глаголов косвенной засвидетельствованности в диалектах юкагирского языка.

Ключевые слова и фразы: юкагиры; юкагирский язык; тундренный диалект; колымский диалект; морфологический способ образования; косвенная засвидетельствованность.

Лукина Маргарита Петровна, к. филол. н.

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск
margarita-lukina@yandex.ru*

**ОСОБЕННОСТИ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО СПОСОБА ОБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ
КОСВЕННОЙ ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАННОСТИ В ЮКАГИРСКОМ ЯЗЫКЕ**

Юкагиры – исчезающий этнос мира, проживающий в Республике Саха (Якутия) (около 800 чел.), Чукотском автономном округе (около 200 чел.) и Магаданской области Российской Федерации (около 200 чел.).

В Республике Саха (Якутия) юкагиры компактно проживают в основном в двух районах – Верхнеколымском (с. Нелемное – «лесные юкагиры»), Нижнеколымском (с. Андрюшкино – «тундренные юкагиры»), а также в г. Якутске. Из года в год, процесс утраты родного языка и культуры юкагирами, усугубляется – владеющих родным языком и знатоков национальной культуры в настоящее время насчитывается не более 50 чел. [7, с. 5].

Юкагирский язык по существующей в науке классификации языков был отнесен к группе генетически изолированных языков – палеоазиатским языкам. Однако, по мнению Г. Н. Курилова, юкагирский язык не занимает изолированного положения среди языков народов Азии, так как многие его грамматические и отчасти лексические элементы являются общими с финно-угорскими и самодийскими языками [5, с. 9]. Г. Н. Курилов считает, что юкагиры, возможно, являются связующим звеном между уральскими народами и индейскими племенами Северной Америки [4, с. 60].

В начале XVII века на Севере Восточной Сибири насчитывалось 14 юкагирских племен, обитавших от реки Лена до Анадыря, общее количество которых составляло примерно 5000 чел. Однако в конце XVII века в результате эпидемии оспы численность юкагиров резко сократилось – из 14 племен выжило всего 2 племени – Алайи («тундренные юкагиры») и Когимэ («лесные юкагиры»). Язык «тундренных юкагиров» принято называть «тундренным диалектом», язык же «лесных юкагиров» – «колымским диалектом». Исследования последних лет показали, что диалекты юкагирского языка имеют черты самостоятельных языков.

Понятие эвиденциальности (засвидетельствованности) в лингвистике сформировалось лишь в начале XX века. Категория эвиденциальности в лингвистике – набор грамматических или лексических значений, выражающих эксплицитное указание на источник сведений говорящего относительно сообщаемой им ситуации [14].

Прямое свидетельство подразумевает непосредственное восприятие говорящим ситуации. Часто выделяют визуальные (говорящий зрительно наблюдал ситуацию), аудитивные (слуховое восприятие ситуации говорящим) и прочие сенсорные источники информации [Там же]. **Косвенное свидетельство** предполагает, что говорящий не воспринимал ситуацию непосредственно, и данные сведения были получены каким-то иным способом [Там же]. В. А. Плуныном выделены несколько источников информации: прямые, косвенные и опосредованные. К косвенным источникам В. А. Плуныном отнесены инферентивы и презумптивы. Для инферентивов характерны показатели «заглазости», для презумптивов – опора на знания о предмете речи [8, с. 324-325].

Для современной лингвистики характерен все возрастающий интерес к коммуникативной организации высказывания. Одной из важнейших функций языка является обмен информацией в обществе. Передавая ту или иную информацию, говорящий может указывать на источник ее получения. Для этой цели во многих языках имеются специализированные средства выражения: морфологические, лексические, синтаксические и др.

Актуальность исследования определяется отсутствием специальной работы, посвященной изучению особенностей морфологического способа оформления глаголов косвенной засвидетельствованности в диалектах юкагирского языка, а также необходимостью решения следующих вопросов:

- 1) исследователи юкагирского языка выделяли наклонение, которое называли то «очевидным», то «неочевидным», следовательно, необходимо уточнить название данного наклонения исходя из содержания сообщения;
- 2) в своей работе Е. А. Крейнович пишет, что им не были приведены все примеры, исчерпывающие все случаи употребления «неочевидного» наклонения в процессе коммуникации [2, с. 142]; необходимо уточнить значения косвенной засвидетельствованности и формы их выражения;
- 3) существует проблема временной семантики форманта *=льэл*. Е. А. Крейнович считал, что «неочевидное» наклонение реализуется только в плане прошедшего времени [Там же, с. 140].

Цель исследования: научное описание особенностей морфологического способа оформления косвенной засвидетельствованности на материале двух диалектов юкагирского языка.

Научная новизна работы определяется тем, что впервые проведено системное описание особенностей морфологического способа оформления глаголов косвенной засвидетельствованности в диалектах юкагирского языка.

Категория засвидетельствованности грамматически выделяется не во всех языках и не всегда является маркированной. Категория засвидетельствованности в юкагирском языке наряду с достаточно выстроенным теоретическим описанием категории эвиденциальности в работах отечественных и зарубежных исследователей остается не до конца изученной. Между тем эвиденциальность в юкагирском языке реализуется на грамматическом, лексическом, лексико-синтаксическом уровнях и имеет различные способы образования. Она образуется различными морфологическими (служебными морфемами – формантами), лексическими средствами (модальными словами и частицами), а также лексико-синтаксическими конструкциями.

Впервые «очевидное» наклонение (“evidential mood”) в юкагирском языке было выделено в конце XIX в. на материале колымского диалекта В. И. Иохельсоном: «“Очевидное” наклонение образуется посредством суффикса *lel*, являющегося отглагольным существительным от глагола *le* “быть”, “существовать”, “жить”» [1, с. 174]. Далее, В. И. Иохельсон дает объяснение: «“Очевидное” наклонение употребляется в тех случаях, когда говорится о чем-нибудь не на основании опыта самого рассказчика, а лишь 1) понаслышке, 2) в виде предположения, 3) в качестве выводов, сделанных на основании известных данных, что произошло какое-то событие, 4) во сне, 5) как воспоминание о событиях, случившихся в раннем детстве рассказчика или о которых он узнал позднее» [Там же]. Позже по материалам обоих диалектов юкагирского языка «очевидное» наклонение было выделено Е. А. Крейновичем. По определению Е. А. Крейновича, «очевидным наклонением выражается действие, которое произошло вне поля зрения наблюдателя или рассказчика; рассказчик не видел того, как происходило действие, но очевидность последнего не подлежит сомнению, свидетельством чего

служат косвенные признаки» [3, с. 127]. В следующей своей работе Е. А. Крейнович «очевидное» наклонение переименовал в «неочевидное» [2, с. 140]. Им были выделены суффиксы =льэл, =льэнь (*льэнь*), посредством которых образуется «неочевидное» наклонение определенное, и суффикс =льэлтэ, посредством которого образуется «неочевидное» наклонение неопределенное. Е. А. Крейнович считал, что «неочевидное» наклонение реализуется только в плане прошедшего времени. Оно обозначает завершённое действие, очевидцем которого сообщающий не был [Там же]. Далее, Г. Н. Курилов в своей работе «Современный юкагирский язык» про «очевидное» наклонение пишет: «Очевидное наклонение образуется при помощи суффикса =льэл. Оно выражает действие, которое произошло вне поля зрения говорящего или так, что не заметил его говорящий» [5, с. 161].

Прямое свидетельство в юкагирском языке находит свое выражение в изъявительном наклонении в форме аориста (неопределенное время), в котором события представляются как реально происходившие или происходящие, где зрительное наблюдение говорящего предполагает высшую степень достоверности. Говорящий сообщает о событиях, в которых он либо лично участвовал, либо узнал из достоверных источников. Модальное/эвиденциальное значение изъявительного наклонения в форме аориста в юкагирском языке исторически предопределено причинами и условиями возникновения самого языка, его коммуникативной функцией – в высказывании в форме аориста изъявительного наклонения информация представляется как достоверное отражение факта, соответствующее реальной действительности. В юкагирском языке показателем данного типа эвиденциальности является нулевой суффикс. Например, тундренный диалект (далее – Т.Д.): 1. *Тудэл мэ кэвэч. / Он ушел (говорящий видел);* 2. *Мэ кэдьэч? / Приехал (да)?* (говорящий является свидетелем события) (перевод информанта-носителя тундренного диалекта юкагирского языка В. Н. Третьякова) [11].

Таким образом, изъявительное наклонение в форме аориста в юкагирском языке – это прямая непосредственная засвидетельствованность, при которой говорящий может основывать сообщение на информации, полученной им самим с помощью собственных органов чувств – зрительных, либо узнал из достоверных источников. Изъявительное наклонение в форме аориста выражает основные значения «прямой засвидетельствованности», «личной памяти о собственном прошлом опыте» или знания говорящего, основанного на общем опыте, что имплицитно подразумевает уверенность говорящего в истинности передаваемой информации.

Рассмотрим морфологические способы образования **косвенной засвидетельствованности**: интерференция (собственный вывод); адмиративность (неожиданность, удивление, восхищение, удовлетворенность); пересказывательность.

Служебная морфема – формант =льэл= является именем действия от глагола *льэ* «быть», «существовать», которое служит в роли суффикса для передачи всех значений косвенной засвидетельствованности. По роли в слове формант =льэл= является служебным. Он присоединяется к основе глагола, ведет себя как суффикс, обозначая косвенное свидетельство совершения действия, выраженного смысловым глаголом.

В колымском диалекте (далее – К.Д.) юкагирского языка формант =льэл= в 3 лице ед. числа у переходных и непереходных глаголов не видоизменяется, оставаясь в форме имени действия. Например, переходный глагол: *Тудэ йоо айиэт, йооги йутэгийльэл.* / Свою голову чесал, голова *продырявилась* [12, с. 175]; непереходный глагол: 1. *Таа ходоольэл.* / Там *лежал* (а теперь его нет) (перевод информанта-носителя колымского диалекта юкагирского языка А. Е. Шадринной) [9]; 2. *Тудэл ти ходоольэл.* / Он здесь *лежал* (когда точно знает, что он лежал) (перевод информанта-носителя колымского диалекта юкагирского языка А. Е. Шадринной) [Там же]; 3. *Тудэл ти ходоольэл.* / Он здесь *лежал* (по приметам) (перевод информанта-носителя колымского диалекта юкагирского языка А. Е. Шадринной) [Там же].

В тундренном диалекте юкагирского языка формант косвенной засвидетельствованности в 3 лице ед. числа у непереходных глаголов принимает форму =льэ=, оформляясь личным окончанием глагола =нь. Например: 1. *Тан хундизтэгэ мэ бэчэнэльэнь, личуоркэ ваай.* / Тот олень копытицей *болеет*, важенка тоже [6, с. 56]; 2. *Тидэн йахлаах эл сэвчуон саваба тивэ худуолнуни, танут моннуннумлэ: «Эттуо, тивэн амутнэн авраальэнь!».* / Когда дождь, не впитавшись в шкуру, лежит лужей, говорят: «О, дождь очень *скопился!*» [Там же, с. 22].

Пересказывательность – это косвенная опосредованная засвидетельствованность. Сообщение говорящего основано на информации, переданной другим лицом. Для оформления пересказывательности в Т.Д. юкагирского языка непереходный глагол в 3 л. ед. ч. принимает форму =льэ=. Например, Т.Д.: 1. *Тудэйлэдэ вэрэй кэдэ нолльэнь.* / Сам-то он сильным человеком *был* (перевод информанта-носителя тундренного диалекта юкагирского языка В. П. Ягловского) [11]; 2. *Кинуольэлэ эл пэлиэй ариньэй кэдэ нолльэнь.* / Он очень быстрым человеком *был*, что его никто никогда не мог догнать (перевод информанта-носителя тундренного диалекта юкагирского языка В. П. Ягловского) [Там же]. В таких примерах информант В. Н. Третьяков семантику форманта =льэ= объясняет так: «Рассказчик хочет подчеркнуть, что он пересказывает то, что ему рассказали, что это не он, а другой был свидетелем» [Там же].

При пересказывательности в Т.Д. юкагирского языка атрибутивная форма непереходного глагола принимает форму =льэл=. Например: 1. *Эдильвэй саамэй тунг лукунбурэбэ мидьэрпэдаба мэдьуолльэлдэ гэдэч.* / Эдильвей на самом рассвете этой земли *родившийся* человек (перевод информанта-носителя тундренного диалекта юкагирского языка В. П. Ягловского). Информант В. Н. Третьяков семантику морфемы =льэл= объясняет так: «Рассказчик сам свидетелем не был того события, поэтому он использует здесь суффикс =льэл=» [Там же].

Для оформления пересказывательности непереходный глагол в К.Д. юкагирского языка принимает форму =льэл=. Например: 1. *Пуннумэнгоот модольэлни.* / Соседи *жили* [12, с. 174]; 2. *Одул льэльэл, шуэлэ-*

нумэдьиньэни, амунэ-йоротиньэльэлни, нугорэд-амунэ чобойэньэльэлни, мидьилэ мидьиньэльэлни. / Юкагиры были, с каменными топорами были, костяными стрелами были, с ножами из реберных костей были, с нартами нартенные (люди) были [13, с. 143].

Для оформления пересказывательности переходный глагол в К.Д. юкагирского языка также принимает форму =льэл=. Например: *Оожилэ милльэлна.* / Воду *взяли* [12, с. 175].

Адмиративное значение в юкагирском языке – это новая информация для говорящего, которая не интегрирована в его картину мира.

По поводу временной семантики суффикса =льэл= П. Е. Прокопьева пишет: «Преобладание глагольной формы с =льэл в большинстве произведений, собранных в последнее время, позволяет предположить, что этот аффикс, помимо основного своего назначения – косвенно свидетельствовать о чем-нибудь, выполняет еще и функцию временного показателя, отсылающего слушателя к далеким временам, известным лишь с чьих-то уст, то есть, по сути, служит маркером давнопрошедшего времени» [13, с. 143]. Однако при обнаружении новой информации говорящим лицом (адмиративность) глаголы с формантами =льэл= и =льэ= могут обозначать и настоящее время, и перфект. Например, Т.Д.: 1. *Йугуллангудэн кэдэ турэн ичунурэн мэр аадаай, мэ нэвруунаай: «Эе, маархан нуннирааньяальэдьэмут?!».* / Направо над головами людей, [он] останавливаться начал и сказал: «Ах, одни деревья для *гроба имеете, оказывается*» [6, с. 293]; 2. *Тун эмп кэдэлэ амутнэн амдур пугудьэрэйсиэнулльэлум.* / Это лекарство, *оказывается*, очень быстро *доводит* человека *до потения* [Там же, с. 390]; 3. *Тэт нимэ чэйличэркун нолльэнь.* / *Оказывается*, твой дом далеко *находится* [Там же, с. 574].

В контексте адмиративности в юкагирском языке перфект передает ситуацию, обнаруживаемую говорящим в момент речи. Например, Т.Д.: 1. *Мит абучиэ мэр ааваальэнь.* / Наша бабушка [т.е. озеро] *уснула, оказывается* [Там же, с. 17]; 2. *Авудьэдальба лэвлбуньир кэлунулльэнь, адун йохол.* / Этот якут, *оказывается*, желая поесть свежую рыбу, *приходил* [Там же, с. 22]; 3. *Савалэ эл йатабасчуон, чимэгин оллэн эл виэчуон силбальэсьэлум.* / Не распрявив, даже не вычистив кровь, *оказывается, сушила* шкуры [Там же, с. 434]; 4. *Арэй, Эдьилвэй ла-афандэ нимэн вальбарэбанэ, афуоришр чаврэлэк, поньилльэлна.* / *Оказывается*, половину яранг выходящих на сторону Эдилвея, *оставили* стоящими [Там же, с. 29]. Примеры из К.Д.: 1. *Тудэл ходоолльэл.* / Он *лежал, оказывается* (перевод информанта-носителя колымского диалекта А. Е. Шадринной) [9]; 2. *Тэт мархиль мэт илльэ молодьопкэлэ мэ пэишэйльэлум.* / Твоя дочь выбросила, *оказывается*, мои новые рукавицы (перевод информанта-носителя колымского диалекта В. Г. Будановой) [10].

Спряжение переходного глагола в Т.Д. с формантом =льэл=:

Мэт мэ курильи=льэл=ун	Я знаю, оказывается
Тэт мэ курильи=льэл=мэк	Ты знаешь, оказывается
Тудэл мэ курильи=льэл=ум	Он знает, оказывается
Мит мэ курильи=льэл=уй	Мы знаем, оказывается
Тит мэ курильи=льэл=умк	Вы знаете, оказывается
Титтэл мэ курильи=льэл=нга	Они знают, оказывается

(перевод информанта-носителя тундренного диалекта В. Н. Третьякова) [11].

Спряжение непереходного глагола в Т.Д. с формантами =льэл=, =льэ=:

Мэт мэр ааваа=льэл=дьэн	Я уснул(а), оказывается
Тэт мэр ааваа=льэл=дьэк	Ты уснул(а), оказывается
Тудэл мэр ааваа=льэ=нь	Он(а) уснул(а), оказывается
Мит мэр ааваа=льэл=дьэйли	Мы уснули, оказывается
Тит мэр ааваа=льэл=дьэмут	Вы уснули, оказывается
Титтэл мэр ааваа=льэл=ни	Они уснули, оказывается

(перевод информанта-носителя тундренного диалекта В. Н. Третьякова) [Там же].

Спряжение переходного глагола в К.Д. с формантом =льэл=:

Мэт минльэлдьэ	Я взял(а), оказывается (нечаянно)
Тэт минльэлмэк	Ты взял(а), оказывается
Тудэл милльэлум	Он(а) взял(а), оказывается
Мит милльэлдьиили	Мы взяли, оказывается
Тит милльэлмэт	Вы взяли, оказывается
Титтэл милльэлнаам	Они взяли, оказывается

(перевод информанта-носителя колымского диалекта Д. П. Борисовой) [10].

Спряжение непереходного глагола в К.Д. с формантом =льэл=:

Мэт тии ходоолльэдьэ	Я здесь лежал(а), оказывается
Тэт тии ходоолльэдьэк	Ты здесь лежал(а), оказывается
Тудэл тии ходоолльэл	Он(а) здесь лежал(а), оказывается
Мит тии ходоолльэдьиили	Мы здесь лежали, оказывается
Тит тии ходоолльэдьэмэт	Вы здесь лежали, оказывается
Титтэл тии ходоолльэлни	Они здесь лежали, оказывается

(перевод информанта-носителя колымского диалекта А. Е. Шадринной) [9].

Интерференция в юкагирском языке – это косвенная непосредственная эвиденциальность, при которой говорящий делает логический вывод о существовании описываемой ситуации на основе видимых фактов; наблюдая ситуацию, восстанавливает события ей предшествовавшие; судит о ситуации по результату. Например, Т.Д.: 1. *Тудэл мэ кэвэйльэнь. / Он ушел* (я не видел этого) (перевод информанта-носителя тундренного диалекта юкагирского языка В. Н. Третьякова) [11]; 2. *Э-э, мэ көллэльдээк? / Аа, приехал (да)?* (перевод информанта-носителя тундренного диалекта юкагирского языка В. Н. Третьякова) [Там же]. Информант В. Н. Третьяков, будучи полиглотом, после перевода юкагирских предложений на русский и на якутский языки, добавляет «...я не видел этого» и «Я не видел, как он приехал, сразу не встретил, позже встретил и приветствую, поэтому в этом предложении я говорю “Мэ көллэльдээк?”, а не “Мэ көлдээк?”». Тем самым, он передает семантику формантов в юкагирском языке =льэл, =льэ=, в которых заключено логическое умозаключение говорящего лица. Примеры из К.Д.: *Кэрэкэ титэ шоромопулгэлэ, титэ миэбэлэ пиэдиэльнаам.* / Коряки своих людей по своему обычаю, **видно, сожгли** [13, с. 143].

Следующей составной частью засвидетельствованности в юкагирском языке является **гипотетическое предположение**, основным значением которого является не источник информации, а выражение предположительной оценки говорящим лицом о вероятности события.

Е. А. Крейнович в последней своей работе «неочевидное» наклонение разделяет на две формы: неочевидное наклонение определенное, образуемое суффиксом =льэл=, и неочевидное наклонение неопределенное, образуемое суффиксом =льэл-тэ= [2, с. 140].

Значение **гипотетического предположения** в юкагирском языке выражается с помощью форманта =льэл-тэ=, который образуется в результате присоединения к форманту «неочевидности» =льэл= показателя будущего времени =тэ. Например, Т.Д.: 1. *Тудэл виэльэлтэм.* / Он, **наверное, сделал** (говорящий предполагает) (перевод информанта-носителя тундренного диалекта юкагирского языка В. Н. Третьякова) [11]; 2. *Авйаальэ илийэ йавулэ мэ лалвэрэйльэлтэм.* / Вчерашний ветер занес дороги, **должно быть** [6, с. 21]. Примеры из К.Д.: 1. *Тудэл аальэлтэм.* / Он, **наверное, сделал** (говорящий предполагает) (перевод информанта-носителя колымского диалекта юкагирского языка А. Е. Шадринной) [9]; 2. *Тудэл ходольэлтэл.* / Он, **наверное, лежал** (неопределенное: говорящий не уверен кто лежал) (перевод информанта-носителя колымского диалекта юкагирского языка А. Е. Шадринной) [Там же].

Заключение

Таким образом, засвидетельствованность в юкагирском языке является ключевым понятием в грамматике. **Изывительное наклонение в форме аориста** в юкагирском языке выражает прямую засвидетельствованность (очевидность), так как говорящий при помощи этого наклонения сообщает о событиях, в которых он лично участвовал, либо видел, либо узнал из достоверных источников, либо выражает воспоминание о событиях, случившихся в раннем детстве, или о которых он узнал позднее.

Наклонение, которое исследователи юкагирского языка определяли как «очевидное», а иногда как «неочевидное», исходя из содержания, можно назвать «неочевидным», так как данное наклонение употребляется в тех случаях, когда говорящий может основывать сообщение на информации, полученной им не с помощью собственных органов чувств (зрительных), т.е. не на основании опыта самого рассказчика, а лишь: 1) в качестве выводов, сделанных на основании известных данных, что произошло какое-то событие; 2) при пересказе; 3) при удивлении, получении новой информации говорящим лицом.

В юкагирском языке можно выделить следующие маркированные значения **косвенной засвидетельствованности**: 1) говорящий делает логический вывод на основе видимых результатов (интерференция); 2) говорящий знает информацию со слов других людей (цитатив или пересказывательность); 3) адмиративность передает ситуацию, обнаруживаемую говорящим в момент речи.

Косвенная засвидетельствованность имеет формы всех лиц, однако имеются различия между диалектами. Так, в Т.Д. косвенная засвидетельствованность в 3 лице ед. числа у непереходного глагола имеет форму =льэ=, во всех остальных лицах – =льэл=; косвенная засвидетельствованность у переходного глагола во всех лицах имеет форму =льэл=. В К.Д. косвенная засвидетельствованность у непереходных и переходных глаголов во всех лицах имеет одну форму =льэл=. **Гипотетическое предположение** в обоих диалектах юкагирского языка во всех лицах имеет одну форму =льэл-тэ=.

Что касается временной семантики «неочевидного» наклонения в юкагирском языке, следует отметить, что форманты =льэл= и =льэ= служат маркером и давнопрошедшего времени, и перфекта, и настоящего времени.

Список источников

1. **Иохельсон В. И.** Одульский (юкагирский) язык // Языки и письменность народов Севера. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. Ч. 3. С. 148-180.
2. **Крейнович Е. А.** Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л.: Наука, 1982. 302 с.
3. **Крейнович Е. А.** Юкагирский язык. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 288 с.
4. **Курилов Г. Н.** Лексикология современного юкагирского языка: развитие лексики и роль якутского языка в заимствованиях. Новосибирск: Наука, 2003. 288 с.
5. **Курилов Г. Н.** Современный юкагирский язык: учебное пособие. Якутск: Офсет, 2006. 280 с.
6. **Курилов Г. Н.** Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.
7. **Лукина М. П.** Наречие в юкагирском языке. Новосибирск: Наука, 2014. 176 с.
8. **Плунгян В. А.** Общая морфология: введение в проблематику. М.: URSS, 2000. 384 с.

9. Полевые материалы автора М. П. Лукиной. Верхнеколымский улус Республики Саха (Якутия), с. Нелемное, 2011.
10. Полевые материалы автора М. П. Лукиной. Магаданская область Российской Федерации, с. Сеймчан, 2012.
11. Полевые материалы автора М. П. Лукиной. Нижнеколымский улус Республики Саха (Якутия), п. Черский, 2014.
12. Прокопьева А. Е. Дееспричастие в юкагирском языке (в сопоставительном аспекте). Новосибирск: Наука, 2012. 191 с.
13. Прокопьева П. Е. Языковые особенности исторических преданий лесных юкагиrow (по фольклорным материалам конца XIX в., собранным В. И. Иохельсоном) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (49). Ч. 2. С. 140-145.
14. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Эвиденциальность> (дата обращения: 08.02.2018).

SPECIFICITY OF MORPHOLOGICAL MEANS TO FORM THE VERBS OF INDIRECT EVIDENTIALITY IN THE YUKAGHIR LANGUAGE

Lukina Margarita Petrovna, Ph. D. in Philology
 The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
 margarita-lukina@yandex.ru

The article discovers the specificity of the morphological means to form the verbs of indirect evidentiality in Yukaghir dialects. The category of evidentiality is considered as a key notion in the Yukaghir grammar. The author identifies the formants of indirect evidentiality of transitive and intransitive verbs in Yukaghir dialects and concludes that in the Kolyma dialect transitive and intransitive verbs in all persons have one and the same formant of indirect evidentiality – =льэл=, in the tundra dialect transitive verbs in all persons have the formant =льэ=, intransitive verbs in the 3rd person singular – =льэ=, in all the other person forms – =льэл=. The paper focuses on clarifying the meanings of the verbs of indirect evidentiality in Yukaghir dialects.

Key words and phrases: the Yukaghirs; Yukaghir language; tundra dialect; Kolyma dialect; morphological means of word formation; indirect evidentiality.

УДК 811.112.2'34

Дата поступления рукописи: 24.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-2.29>

Статья посвящена рассмотрению вопроса о роли гендерного фактора в побудительных предложениях. Гендер рассматривается с позиций социокультурных отношений. Автор отталкивается от положения гендерной лингвистики о существовании разных гендерных коммуникативных стратегий. Цель исследования – с помощью фонетического эксперимента выявить наличие гендерных различий на супraseгментном уровне. Анализ роли супraseгментных средств, в том числе без участия лексико-грамматических средств, обусловил актуальность данной работы. Новизна состоит в том, что до настоящего времени не исследовался материал немецкого языка подобным образом. Особое внимание уделяется супraseгментным средствам, имеющим в реализациях мужчин и женщин противоположные значения.

Ключевые слова и фразы: гендер; социокультурные роли; гендерные коммуникативные стратегии; супraseгментные средства; побудительные предложения; экспериментально-фонетическое исследование.

Мацкевич Елена Эдуардовна, к. филол. н., доцент

Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации
 matskevich-elena@rambler.ru

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНОГО ФАКТОРА НА СУПРАСЕГМЕНТНЫЕ СРЕДСТВА В ПОБУДИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ (РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Гендерные исследования, несмотря на неоднозначное к ним отношение лингвистов, продолжают оставаться предметом научных изысканий.

Понятие «гендер» появилось в лингвистической парадигме во второй половине XX столетия, и его исследование шло бурными темпами. Основным положением гендерного подхода в лингвистике является различие двух понятий: пол и гендер. Согласно сложившейся точке зрения, понятие «пол» (sex) соотносится с биологическими различиями между женщиной и мужчиной, в то время как «гендер» (gender) является результатом социального разделения на «маскулинное» и «фемининное» [1].

Таким образом, «пол» подчеркивает природную, а «гендер» – социокультурную причину различий между полами и используется для обозначения социокультурных норм и ролей, которые приписываются людям социумом в зависимости от их биологического пола.

Как продукт социальных отношений и культурной традиции, гендер не является лингвистической категорией, однако язык и речь могут быть проанализированы с точки зрения отражения в них гендерных отношений путем выявления в них гендерных стереотипов, зафиксированных в сознании носителей языка. Гендерные